

"Аполлонъ", No 2, 1909
[OCR Бычков М. Н.](#)

ТРИ РОЗЫ *)

(Свѣтская исторійка)

*)Переводъ съ рукописи М. Кузмина.

Сидя на пуффѣ, обтянутомъ, какъ тѣло кожей, полосатымъ шелкомъ цвѣта семги съ серебромъ, поэтъ Роперсъ цвѣтисто разсуждалъ о женщинахъ, положила нога на ногу, которыя -- онъ зналъ были красивы, а графиня Клотильда слушала его, улыбаясь.

Полумракъ сумерокъ вызывалъ безвольность, можетъ быть, даже немного желанья. Лѣнивые, удлинненные нѣсколько къ низу, глаза, горькое выраженіе рта, рыжіе усы, уже посыпанные сѣрой амброй воспоминаній, пальцы, слишкомъ обремененные перстнями, сюртукъ, слишкомъ въ талію, вкрадчивое мальчишество, иногда пугающее своею неожиданностью, -- все придавало Роперсу видъ стариннаго придворнаго, какого нибудь распушеннаго философа, благороднаго искателя приключеній, и кромѣ того -- любителя окружающей роскоши, живущаго во времена Регентства.

-- Я не люблю, -- говорилъ онъ голосомъ, привыкшимъ скандировать стихи, -- я не люблю, когда меня обвиняють въ ненависти къ женщинамъ, потому что женщины потеряли бы для меня всю цѣну, если бы я ихъ ненавидѣлъ; а такъ какъ, въ сущности, я ихъ люблю, я не простилъ бы себѣ, если бы внушалъ имъ страхъ, какъ не простилъ бы имъ, если бы онѣ мнѣ его внушили. Когда вечеромъ, совершенно интимно, наединѣ съ Вами, которая въ счетъ не идетъ, оставаясь для меня только другомъ, я могу мечтать, я мечтаю о темной нормандской лодкѣ, которая отвозила меня на войну... Я принадлежу къ нѣсколько болѣе отдаленной эпохѣ, чѣмъ повѣсы. Я былъ здоровѣе ихъ, и лепестки розъ, пролитыя въ ихъ крови на гильотинѣ, имѣють для меня менѣе прелести, чѣмъ вы думаете... Море! -- (Роперсъ гибко вскочилъ и зашагалъ по будуару развалистой походкой матроса, раскачивая туловищемъ, такъ что скрипѣлъ на немъ черный сатиновый кушакъ, обернутый три раза, какъ носили въ тотъ годъ, вмѣсто жилетовъ, что придавало поэту циничную небрежность свѣтскаго нагрузчика.) -- Море!.. Ахъ, графиня Клотильда, принцесса поэзіи, жрица извращенности, Вы ничего не знаете ни обо мнѣ, ни о морѣ. Что значить мой разсказъ о причудахъ писателя, когда его выслушиваетъ писательница? Мы -- суетны! сочиненьица, маленькая музыка! Знаете ли вы, что у меня была нормандская барка? Барка, на высокой кормѣ которой была вырѣзана медвѣжья морда съ пастью, еще точащей слюну послѣ прожеванной рыбы, барка еще болѣе пьяная убійствомъ и терпкимъ виномъ побѣдъ, чѣмъ безсмертный корабль Ренбо? Я пришелъ въ міръ поэзіи, насытившись крѣпкою пищею; симфонія сраженій, оркестрованная не для салоновъ, библейская легенда безъ вуалированной наготы, исторія любовныхъ похищеній безъ любви! Я испытывалъ голодъ и жажду, благоговѣйно неся трупъ Сирены, которая не хочетъ больше пѣть, такъ какъ люди боятся грозъ и сдѣлались картонными плясунами и ихъ одежда -- переплеты книгъ, безсильные и бездушные. -- Графиня, у васъ капиллеры неизвѣстнаго сорта; откуда вы ихъ достали? (Роперсъ прервалъ свою рѣчь, наклонясь къ голубому севрскому горшечку, гдѣ дрожали тонкіе волосики зеленого растенія).

-- Я не помню -- въ "Луврѣ" или въ "Bon Marche", вѣроятно. Это -- привившееся растеніе. Но продолжайте, мой другъ: вы такъ хорошо отплыли.

-- Не смѣйтесь, Клотильда. Насъ заставляетъ сходить съ корабля именно то, что ли -- слишкомъ хорошо привившіяся растенія. О да, трупъ Сирены оставляетъ несшія его руки непріятно липкими, но это -- не прикосновеніе самой истины. Я видѣлъ ее мертвою, столь сладостно прекрасною, что можно было бы желать жить съ единственной цѣлью отомстить за нее. И ея закрытые глаза, нѣкогда блиставшіе зеленымъ блескомъ отъ черныхъ рѣсницъ, теперь будто склеенные каплями чернилъ, ея закрытые глаза смотрѣли на меня черезъ блѣдныя вѣки и, казалось, кричали: -- я мертва, оттого что зорко видѣла! -- Зачѣмъ ее пережили я, знавшій ее, съ дѣтства влюбленный въ прощальную легенду? Графиня, буря бушевала на морѣ, въ моемъ сердцѣ страстнаго моряка, молніи, какъ обнаженные нервы неба съ содранной кожей, бросали блѣдный блескъ на это мраморное чрево... покрытое красными жилками, такъ